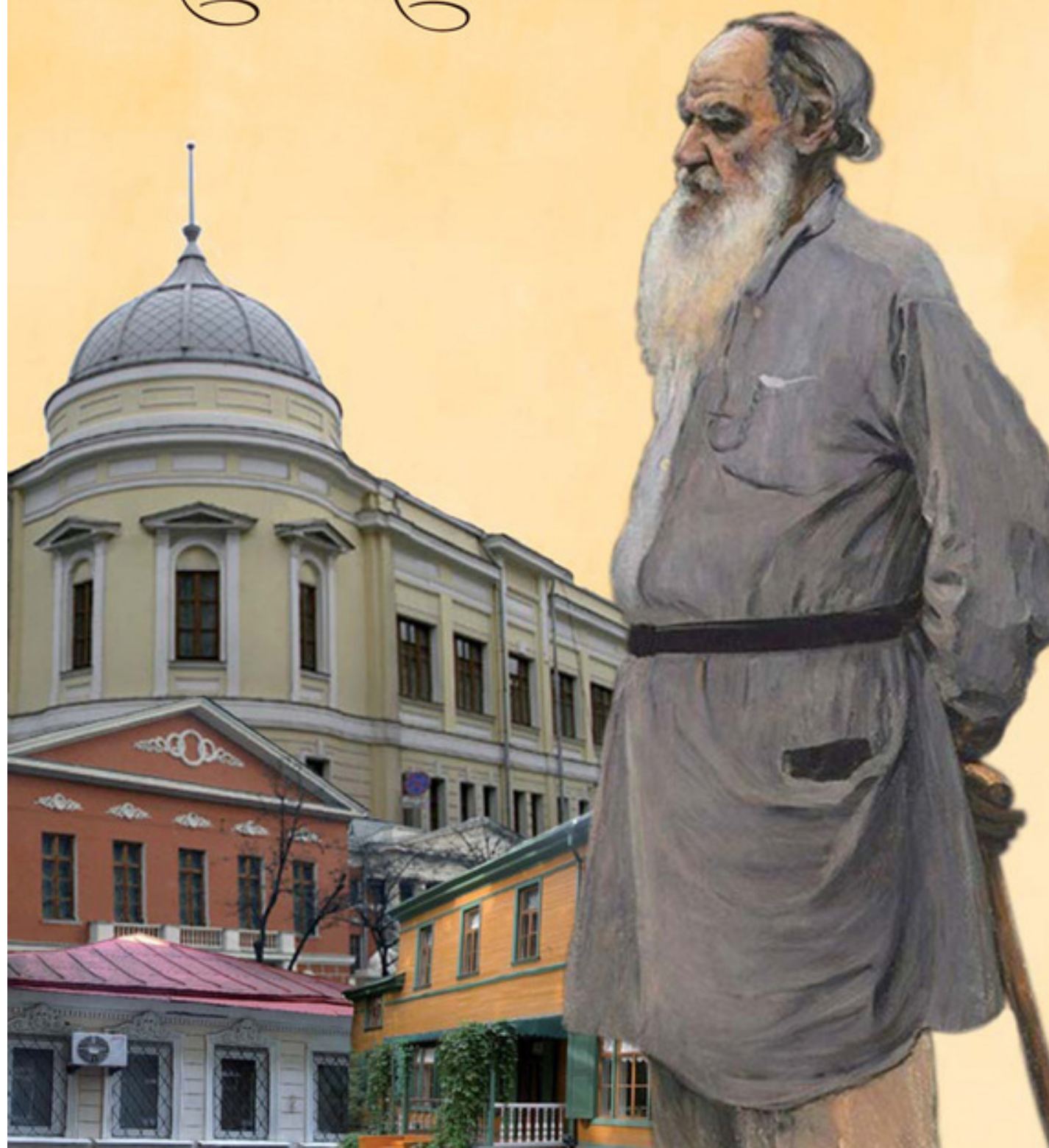

Александр Васькин

Московские адреса

Льва Толстого

Александр Васькин

**Московские адреса Льва
Толстого. К 200-летию
Отечественной войны 1812 года**

«Автор»

2012

Васькин А. А.

Московские адреса Льва Толстого. К 200-летию Отечественной войны 1812 года / А. А. Васькин — «Автор», 2012

«Москва – женщина, она мать, она страдальца и мученица», – писал Лев Толстой в черновом варианте романа «Война и мир», подчеркивая тем самым непреходящее значение Москвы и для российской истории, и для русской литературы. Толстой приезжал в Москву более ста пятидесяти раз, надолго оставался здесь. Вместе с известным москвоведом Александром Васькиным читатели побывают в толстовской Москве, по тем адресам, где жил или бывал писатель, – на Плющихе и Сивцевом Вражке, на Пятницкой и Воздвиженке, в Камергерском переулке и на Большой Дмитровке, на Тверской улице, в Вознесенском переулке и, конечно, в Хамовниках. Эта книга – не только своеобразная биография Льва Толстого, относящаяся к московскому периоду его жизни, но еще и интересный рассказ о «романах» писателя с тем или иным московским зданием или улицей.

© Васькин А. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

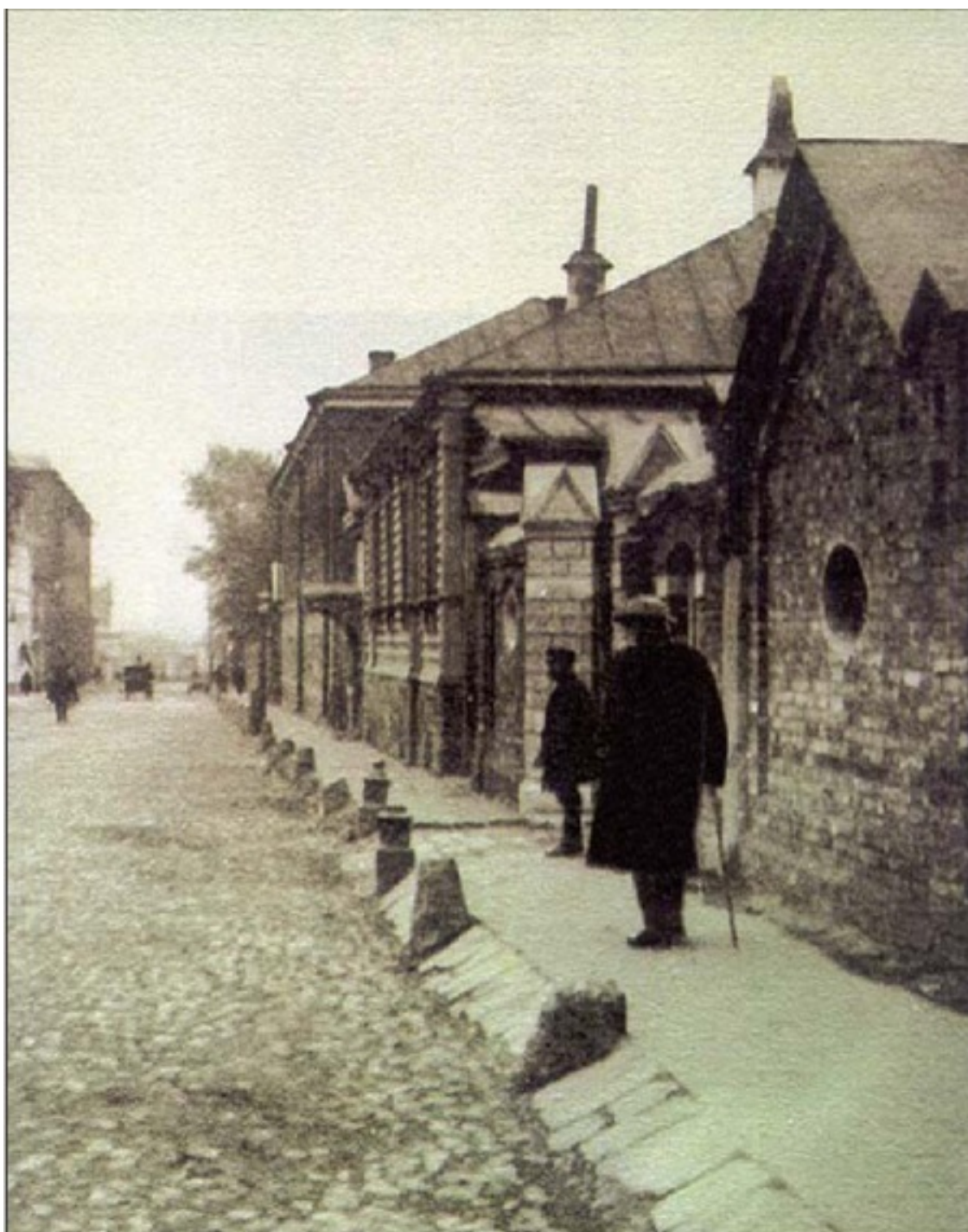
Лев в городе	6
Лев Толстой: «Москва – женщина...»	10
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Анатольевич Васькин Московские адреса Льва Толстого: К 200- летию Отечественной войны 1812 года

Лев в городе
*О книге Александра Васькина
«Московские адреса Льва Толстого»*

Лев Толстой в Долгохамовническом переулке. 1909 г.

Люблю книги, во время чтения которых приходят мысли, непосредственно не связанные с темой прочитанного, появление которых в голове читателя, может быть, и не входило в задачу автора. Это всегда верный признак, что внутренний объем текста больше внешнего содержания.

Вот и читая книгу Александра Васькина о Москве Льва Толстого, я вдруг задумался о совсем ином.

Но сначала все-таки о книге. Александр Васькин – писатель, журналист, москвовед. Автор многих книг и статей о Москве, лауреат Горьковской литературной премии. Пишет он плотно и увлекательно. Не навязывает читателю своих концепций, не нагружает его своим «видением» жизни и творчества великого Льва, но – просто берет читателя за руку и проводит его по всем московским домам, где бывал сам Толстой или его герои, точно называя их адреса, детально рисуя их местоположение, их предысторию, вполне уместно цитируя толстовские тексты из писем, дневников и художественных сочинений.

Это и замечательный путеводитель по современной (я подчеркиваю!) столице, который можно взять с собой вместе с картой Москвы и отправиться в увлекательное «точечное» путешествие. Тем более что преодолеть этот маршрут при желании можно за один день – ведь проживал Толстой хотя и во многих домах, но, во-первых, не все они сохранились, а во-вторых, те, что сохранились, расположены в пределах современного центра.

Это и очень достойный справочник для будущих толстовских биографов, да и просто любителей Толстого и его жизни, а жизнь Толстого – не менее интересное произведение, чем его художественные тексты.

И, наконец, это тоже своеобразная биография Льва Николаевича, описание той части его жизненного пути, когда он останавливался в Москве – или проездом, или на время, или даже на почти постоянное местожительство, как это случилось, начиная с 1881 года, когда семейные обстоятельства заставили его на протяжении двух десятков лет проводить в Москве осенне-зимний период.

Книга написана прозрачным и естественным стилем, без художественных «красивостей», которые всегда только портят документальное исследование. Именно такая ясная манера письма располагает к себе серьезных читателей, особенно – современных, жадных до знаний, не желающих тратить время на любование авторским «почерком».

В то же время это не сухой отчет о посещении Толстым Москвы (а он приезжал сюда более 150 раз!), но тоже своего рода «роман» о Толстом. Вернее, рассказ о его «романах» с тем или иным московским зданием или улицей, или целой частью города – с домом на Плющихе, где прошла часть его детства; с Сивцевым Вражком, где писатель останавливался в молодые годы; с доходным домом купца Варгина, где он спасал свою сестру, бежавшую от распутного мужа Валериана Толстого; с гостиницей Шевалье, описанной в самом начале «Казаков»; и наконец – с Хамовнической слободой, прекрасной и уродливой одновременно, утопающей в зелени садов и дымящей фабричными трубами, озвученной соловьиными трелями и заводскими гудками, где Толстой купил для семьи городской дом, а по сути – целую усадьбу, и где он написал многие лучшие свои поздние творения – «Крейцерову сонату», «Воскресение», «Власть тьмы», «Живой труп» и др.

И вот, читая главу о Хамовниках (которая, не скрою, особенно интересовала меня как исследователя позднего Льва Толстого), я неожиданно задумался о превратности судьбы нашего национального гения...

Главной и самой сокровенной мыслью позднего Толстого было освобождение от земного плена, от всякой «матерьяльности», чистое и беспримесное слияние духа с тем Единым Нача-

лом, под которым он понимал Бога. Толстой не шутя завидовал старикам-индусам, что уходили полунагими в леса, чтобы там под конец жизни предаваться медитациям и постепенно освобождать свой прозрачный дух от «грязного» тела. Он полуиронически хвастался Чехову, посетив того в московской больнице, что вот – стареет, что и зубов уже почти не осталось и, стало быть, физического тела остается всё меньше и меньше... И это хорошо! Он завещал детям и жене похоронить его безо всяких почестей и обрядов, просто – зарыть тело в лесу, «чтобы не воняло», без надгробий, без памятников, без креста даже, а – просто закопать и всё! Даже существующий в Ясной Поляне, на краю оврага в лесу Старого Заказа, могильный холмик над останками Толстого, заботливо каждый год украшаемый еловыми ветками и осыпанный букетами цветов, – по сути, противоречит предсмертной воле Толстого, потому что и этого он не хотел. Он не хотел, чтобы место его захоронения было обозначено.

И вот этот ненавистник всего «матерьяльного» мало того что оставил нам бесценнейшие свидетельства именно бытовой жизни русского человека XIX столетия, от крестьянина до аристократа, но и сам, своей волей, своей необузданной жизненной энергией породил такое количество материальных свидетельств о себе и своих близких, что сравнить эту бездну вещественных фактов о пребывании Толстого на этой грешной земле решительно не с чем! Ни Гёте, ни Данте, ни Шекспир, ни Сервантес, ни Достоевский – никто из главных мировых гениев слова не «наследил» (извините за грубость выражения!) таким образом на земле, как это сделал Лев Толстой.

От Гоголя не осталось почти ничего. Принадлежавшие ему вещи считаются поштучно и хранятся в украинских музеях. Когда в 2009 году, к 200-летию Гоголя, решили создать его московский музей на Никитской, пришлось изощряться в «виртуальных» выдумках, чтобы создать иллюзию пребывания здесь когда-то писателя. Достоевский никогда не имел своей собственности. Даже приобретенная под самый конец жизни дача в Старой Руссе была куплена на деньги брата его супруги, Анны Григорьевны. Последнее местопребывание Тургенева в Буживале сегодня находится в «подвешенном» состоянии: французские власти пока раздумывают, как поступить с бывшей дачей семейства Виардо, требующей капиталовложений для ремонта и обслуживания, а российские власти, как обычно, вяло «решают вопрос». Дом Тургеневых в Спасском-Лутовинове сгорел, на месте его стоит так называемый «новодел». Та же судьба постигла усадьбы дома Пушкина и Блока. И только Ясная Поляна стоит, как крепость, не поддавшись ни большевикам, ни нацистам, которые тоже ведь были здесь и даже пытались поджечь дом Толстого (чему есть и материальные доказательства – подкопченный паркет), но почему-то не смогли. Одних только единиц хранения в яснополянском музее насчитывается более сорока тысяч! А деревья, которых касалась рука Толстого или которые были даже посажены им? А порода лошадей, им выведенная и сохранившаяся донныне? А система прудов, работающая сегодня так же, как и сто пятьдесят лет назад?

Хамовники... Александр Васькин рассказывает историю, как в 1927 году злоумышленник пытался облить и поджечь письменный стол Толстого в его кабинете. И ведь облил и поджег! Но откуда-то появился офицер и овчинным полушубком накрыл огонь – точно ангел-хранитель в советской форме...

И оказывается, что именно Толстой «матерьяльно» неуничтожим. Вернее, наследство его неуничтожимо, вот именно конкретное, материальное наследство. А ведь был искус у его старших сыновей продать Ясную Поляну за миллион – предлагали! Но Софья Андреевна сказала жесткое «нет», и дети подчинились, как во всем, в конце концов, подчинялись матери, более сильной и властной, чем отец. Дом в Хамовниках был, впрочем, продан за сто двадцать пять тысяч рублей, как пишет автор этой книги. Но продан не частному лицу, а Московской городской управе с тем, чтобы там открыли музей. Его и открыли в 1918 году, в самую голодную и беспросветную годину гражданской войны. И он сохранился до наших дней, и каждый сегодня может увидеть буквальную обстановку жизни Толстых в Москве, как и в Ясной Поляне.

Вот интересно – почему в 1882 году, желая переехать с семьей из «карточного» дома в Денежном переулке (там было шумно, там всё раздражало писателя!), он выбрал для покупки именно дом Арнаутовых в Хамовниках? Называется много причин, главнейшие из которых – наличие прекрасного сада, своего колодца и отдаленность (тогда) от шумного и суетного городского центра.

Но вот еще причина, о которой сам Толстой не думал, но чувствовал её подсознательно: дом этот, построенный в начале XIX века, *не сгорел* во время наполеоновского нашествия на Москву. Не сгорел он опять же по разным называемым причинам. Во-первых, наличие обширных садов не позволяло быстро распространиться огню. Во-вторых, в этом районе Москвы французы сами собирались зимовать и, стало быть, охраняли дома от поджогов с особым тщанием. Зимовать французам не пришлось, но многие дома, и это здание тоже, остались стоять.

Последний резон (его приводит Александр Васькин) исторически несомненен. Но немцы из танковой армии Гудериана (и сам Гудериан) как раз зимовали в толстовском имении Ясная Поляна. И, уходя, они как раз пытались сжечь дом – возможно, из ненависти бегущих завоевателей. Что помешало им это сделать? Ведь даже колодец возле дома оказался засыпанным, его пришлось расчищать работникам музея и окрестным жителям прямо во время пожара. Сотрудница музея рассказала мне и еще одну поразительную историю. Один из немецких офицеров хотел забрать в виде трофея диван, на котором родился Толстой. Но хранительница усадьбы, оставшаяся беречь дом и не бежавшая в эвакуацию, встала на его пути. Именно так! Безоружная женщина против озлобленного, драпающего немца! И немец дрогнул. Всё, что он смог сделать, – порезать кожаную обшивку дивана своим армейским ножом. И порезы, зашитые, тоже сохранились до наших дней – как материальное свидетельство вот такого странного поведения людей на земле и как факт торжества ненасильственной морали, которую так проповедовал Толстой.

И вот я подумал... Не потому ли Толстой подсознательно выбрал дом Арнаутовых в Хамовниках, что знал о его судьбе во время наполеоновских пожаров? Знал о том, что это *несгораемый* дом, и потому всё, что он оставит в нем, останется на века..?

Но зададимся и совсем уж фантастической идеей. Известно, что молодой Толстой не пощадил свой родовой дом в Ясной Поляне, продал его на вывоз во время участия в Крымской войне, а полученные деньги проиграл в «штос». То, что мы называем домом Толстого, – это перестроенный флигель. Конечно, в конце 50-х годов XIX века, когда молодой Лев воевал в Севастополе, он и во сне не мог видеть, как крестьяне в революцию жгли большие барские дома – жгли из ненависти к хозяевам, не разбирая, кто из них Блоки, кто Тургеневы. Что-то сгорело в революцию, что-то во время войны. Большие дома на открытом месте (а дом Волконских-Толстых стоял на виду, чтобы с шоссе было всем видно!) очень быстро и хорошо горят – не то что перестроенные флигельки и потаенные московские слободские строения.

Допустим это в качестве невероятного предположения: Толстой знал, где жить, чтобы место жизни сохранялось на века.

Но зачем? Ведь он ненавидел материю, мечтал от нее избавиться – и при этом всё сделал для того, чтобы материальные следы его жизни оставались перед нашими глазами. Чтобы мы, при желании, могли их даже трогать, осязать.

Наверное, это еще одно великое противоречие Толстого. Еще одна загадка его странной души и его непостижимой головы. И об этом тоже, вольно или невольно, говорит нам прекрасная книга Александра Васькина...

*Павел Басинский,
писатель, журналист*

Лев Толстой: «Москва – женщина...»

«Экипажи были еще в начале площади, когда раздался восторженный рев толпы. Экипажи остановились. В толпе все как один обнажили головы. Лев Николаевич вышел из ландо. Толпа задвигалась, зашумела, как взыгравшееся море. Воздух огласился криками:

– Льву Николаевичу – ура! Слава Толстому! Да здравствует великий борец! Ура-а-а!

Гул и шум усилились вдесятеро. Полетели в воздух фуражки, сотрясались тысячи рук, замахали носовые платки.

Лев Николаевич снял шляпу и с сосредоточенным выражением лица раскланивался во все стороны.

– Благодарю! Благодарю за добрые чувства... – произнес он, и вдруг его голос дрогнул.

– Тише! Тише! Он говорит... Тише! – закричали вокруг.

Окрепшим голосом Лев Николаевич проговорил:

– Благодарю!.. Никак не ожидал такой радости, такого проявления сочувствия со стороны людей... Спасибо!.. – твердым голосом почти прокричал он.

– Спасибо, спасибо вам! – заревела толпа.

Гул и шум еще усилились.

– Ура!.. Да здравствует! Слава!

И при всеобщем ликующем крике и кивании Льва Николаевича головою поезд тихо тронулся», – вспоминал участник тех далеких событий А. Сергеев.

Так прощалась Москва со Львом Толстым в полдень 19 сентября 1909 г. на Курском вокзале. Как оказалось впоследствии, прощалась навсегда. Прошло чуть более года, и весь мир облетела трагическая весть о том, что 7 ноября в 6 часов 05 минут утра на станции Астапово Рязанско-Уральской железной дороги скончался великий русский писатель Лев Толстой. Более ста лет прошло с того печального дня. И сегодня мы решили вспомнить о том знаменательном для Москвы времени, когда она принимала у себя Льва Толстого. Москва занимала в творчестве и в жизни великого писателя, философа и мыслителя очень важное место.

За свою долгую жизнь Лев Николаевич Толстой побывал во многих городах и весях. Родился он 28 августа 1828 г. в Ясной Поляне, что под Тулой. Жил в Казани, где учился в 1844–1847 гг. в университете, не сумев окончить его, оказавшись единственным из четырех братьев, так и не получившим полного высшего образования. В 1849 г. был пленен Петербургом, куда впоследствии часто приезжал, но уже с другим чувством – разочарования. В 1851–1853 гг. участвовал в боевых действиях на Кавказе (сначала волонтером, потом – артиллерийским офицером). В Крымскую войну воевал в осажденном Севастополе (на знаменитом 4-м бастионе). Много ездил по России. Выезжал писатель и за границу: в 1857 г. побывал в Берлине, Париже, Женеве, Турине, Баден-Бадене, Дрездене, а в 1860–1861 гг. – во Флоренции, Неаполе, Риме, Лондоне и других городах. Но неизменно возвращался он в Москву, куда приезжал более ста пятидесяти раз. Впервые – 11 января 1837 г., а в последний раз он видел Москву 19 сентября 1909 г.

Отношение Толстого к Москве менялось в течение всей жизни, от восторженного в детстве до критического в старости. Тем не менее, с нашим городом связана большая часть его творчества. В его романах и повестях Москва – непременно место действия («Война и мир», «Анна Каренина», «Казак»), Над другими произведениями Толстой здесь работал («Воскресение», «Живой труп», «Хаджи-Мурат»), А трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» отразила многие эпизоды московской жизни Льва Николаевича.

В романе-эпопее «Война и мир» Толстой буквально увековечил Москву, многие здания которой фигурируют в повествовании. Так, не раз идет речь в романе о «большом, всей Москве известном доме графини Ростовых на Поварской» (современный дом № 52). Уцелел и дом

старого князя Болконского на Воздвиженке (№ 9), и даже гостиница Обера в Глинищевском переулке, куда старуха Ахросимова повезла одевать дочерей графа Ростова (№ 6). Живо и здание Английского клуба на Страстном бульваре у Петровских ворот (№ 15). Сюжетные линии романа развиваются в Кремле, на Арбате, в Сокольниках, на Подновинском (ныне Новинский бульвар), на Маросейке и Лубянке, на Поклонной горе и Воробьевых горах.

Еще более ярко Лев Николаевич рисует картину московской жизни второй половины XIX в. в романе «Анна Каренина». Герои романа, члены тех самых «счастливых, похожих друг на друга» и «несчастливых по-своему» семей встречаются в Английском клубе на Тверской, в ресторане «Эрмитаж», в Зоологическом саду, на московских площадях, бульварах и улицах.

Толстой хорошо знал Москву, мог пройти по ней с закрытыми глазами. Ходил по городу пешком, например, от Охотного ряда до Петровского парка. Часто, приезжая в Москву по делам, он останавливался в гостиницах. Многие из них не сохранились – Челышева (на месте «Метрополя»), «Париж» на Кузнецком мосту, Дюссо в Театральном проезде, Шевалдышева на углу Тверской и Козицкого переулка... Жил он и у своих друзей Перфильевых в Малом Николопесковском переулке (1848–1849), в Денежном переулке, с семьей в 1881–1882 гг.; эти дома также не дошли до нашего времени.

Но сохранилось немало других адресов, связанных с жизнью Толстого в Москве. Это и дом на Плющихе – первый, в котором жил маленький Левушка, и гостиница Шевалье в Камергерском переулке, и дом на Сивцевом Вражке, где он нанимал квартиру в начале 1850-х гг., и особняк в Нижнем Кисловском переулке, и дом Рюминых на Воздвиженке, когда-то принадлежавший деду писателя Н.С. Волконскому. Толстой часто бывал и в Кремле, где жили родственники его жены – семья Берс. В 1862 г. он женился на Софье Андреевне Берс (1844–1919). Венчались молодожены в кремлевской церкви Рождества Богородицы. Софья Андреевна родила тринадцать детей, пятеро из них умерли в раннем детстве.

И, конечно, усадьба в Хамовниках, ставшая свидетельницей многих событий в жизни и творчестве Льва Николаевича. Здесь женились и выходили замуж его дети, здесь скончался его последний и самый любимый сын Ванечка.

Именно с переездом сюда в 1882 г. на постоянное место жительства совпал перелом в сознании писателя, объясненный им так: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но и потеряла всякий смысл...». Переоценка ценностей привела к пересмотру его творческих задач: от собственно литературы (прежние свои романы он осуждает как барскую «забаву») – к осмыслению нравственно-религиозных и философских вопросов. Новый этап его творчества пришелся на московский период жизни: основные философские работы написаны им в этом городе («Исповедь», «В чём моя вера?» и проч.). Здесь же, в Хамовниках, в 1901 г. Толстой узнал об отлучении его от православной церкви.

С 1847 г. и до конца жизни он вел дневник, где подробно описывал разные стороны своего существования. Благодаря дневнику мы знаем сегодня, как проводил свое время в Москве Толстой, над чем работал, с кем встречался, что думал о Москве и населявших ее жителях.

Толстой не вел жизнь затворника, общаясь в Москве с большим количеством людей самых разных профессий и возрастов. Бывал он и в публичных местах – Дворянском собрании и Английском клубе (в молодости), Московском университете, Третьяковской галерее, Румянцевской библиотеке, Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой, гимназии Поливанова на Пречистенке. Видели Толстого и в московских театрах, где ставились спектакли по его пьесам – драме «Власть тьмы» и комедии «Плоды просвещения».

«Москва – женщина, она мать, она страдальца и мученица. Она страдала и будет страдать», – писал Толстой в черновом варианте романа «Война и мир», подчеркивая тем самым непреходящее значение Москвы и для российской истории, и для русской литературы.

В Москве есть Музей Толстого на Пречистенке, Музей-усадьба в Хамовниках, стоят памятники писателю, его именем назван Долгохамовнический переулок, в котором он прожил почти два десятка лет.

Несмотря на то, что о московском периоде жизни писателя написано немало, последний раз книга на эту тему (Н. Родионов, «Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого») выходила отдельным изданием в далеком 1948 г. (переиздана в 1958 г.). Мы надеемся, что новая представленная книга также послужит сохранению памяти о московском периоде жизни Льва Николаевича Толстого.

Основным источником информации послужили произведения самого Л.Н. Толстого, а также воспоминания его секретарей и биографов.

Глава 1

Детство. 1837–1838 гг

Ул. Плющиха, д. 11

«Это первый адрес Льва Толстого в Москве, с которой он с детским восхищением познакомился 11 января 1837 г. За день до этого Толстые длинным санным поездом из семи возов отправились из Ясной Поляны. Вместе с отцом Николаем Ильичом Толстым (1794–1837), бабушкой Пелагеей Николаевной Толстой (1762–1838) ехали и дети: Николай (1823–1860), Сергей (1826–1904), Дмитрий (1827–1856), Мария (1830–1912) и Лев. Сопровождали их десятка три крепостных людей.

Длинная зимняя дорога до Москвы (178 верст!) запомнилась восьмилетнему Левушке Толстому в подробностях. Он отмечал позднее, что один из возов, в котором ехала бабушка, имел для предосторожности отводы, на которых почти всю дорогу стояли камердинеры. Отводы были такой ширины, что в Серпухове, где остановились на ночлег, бабушкин воз никак не мог въехать в ворота постоялого двора.

Детей по очереди пересаживали в экипаж к отцу. Льву повезло – его очередь ехать с Николаем Ильичом настала, когда впереди показалась Москва. «Был хороший день, – писал он в «Воспоминаниях», – и я помню свое восхищение при виде московских церквей и домов, восхищение, вызванное тем тоном гордости, с которым отец показывал мне Москву».

Путь Толстых лежал в дом Щербачева на Плющихе, прозванной так в честь кабака, на ней располагавшегося (что неудивительно – Волхонка и Ленинка имеют подобное же происхождение). Тогда здесь были типично провинциальные задворки Москвы, которые и днем можно было бы спутать с той же Тулой. Вот на такой «очень широкой и тихой улице, по которой рано утром и вечером пастух собирал и гнал стадо на Девичье поле, играл на рожке и хлопал кнутом так, что этот звук был похож на выстрел, коровы мычали, ворота хлопали» поселилось семейство Толстых¹.

Сегодня этот дом с мезонином, проживший почти два столетия, является одним из немногих сохранившихся особняков небогатой дворянской Москвы начала XIX в. Из имевшихся ранее в облике здания отличительных признаков классицизма до нашего времени дошел лишь треугольный фронтон, утрачены колонный портик и декоративная лепнина. Убрался и массивный забор, отделявший особняк от Плющихи и ее коровьего стада, и двор с хозяйственными постройками, скрывавшийся за забором.

Расположение и назначение комнат первого этажа было обычным по тем временам: большая гостиная, столовая, готовая принять многочисленную семью обедающих, диванная, цветочная и кабинет. Детские комнаты находились в мезонине. Прислуга уживалась в полуподвале. Интересно, что с улицы дом смотрелся как двухэтажный, а со двора взору открывались уже три этажа. Считается, что застройщик таким образом скрыл еще один этаж, чтобы не платить лишний налог, взимавшийся тогда с каждого этажа.

---

¹ История улицы начинается с XV в., когда вдоль дороги на Смоленск стояло подворье ростовского архиепископа (свидетели тому – близлежащие Ростовские переулки). Путь на Смоленск (ведущий к Крымскому мосту) до конца XVI в. проходил по Плющихе, именовавшейся тогда Смоленской улицей, а до этого ещё и Саввинской – по Саввинскому монастырю, что был в конце улицы. В конце XVI в. с постройкой нового моста через Москву-реку на Смоленск стали ездить через Дорогомилово, где нынче Большая Дорогомиловская улица. Плющихой улица стала в конце XVII в. по кабаку Плющева, что стоял некогда в начале улицы. На Плющихе в разное время жили поэт А.А. Фет, художники В.И. Суриков и С.В. Иванов, писатель И.И. Лажечников, а также писательница Л. Авилова, которой и принадлежит цитата, приведенная нами выше.

Вместе со Львом в мезонине поселились его братья и сестра. Старших братьев, получивших домашнее образование, готовили к поступлению в Московский университет, их приучали «привыкать к свету». О них Лев Николаевич вспоминал так: «Николиньку я уважал, с Митинькой я был товарищем, но Сережей я восхищался и подражал ему, любил его, хотел быть им». Рядом с детьми поместили и гувернера Федора Ивановича Ресселя. «Смутно помню эту первую зиму в Москве, – припоминал Толстой. – Ходили гулять с Федором Ивановичем. Отца мало видали».

Многое о детских годах Льва Толстого мы можем почерпнуть из его автобиографической повести «Детство», в которой гувернер Федор Иванович выведен под именем Карла Ивановича. Летом 1837 г. здесь, на Плющихе произошла драматическая сцена, описанная в 11-й главе «Детства». Старого учителя решили сменить на другого. Тогда он предъявил своим нанимателям внушительный счет, в котором, кроме жалованья, потребовал оплаты и за все вещи, что он дарил детям, и даже за обещанные, но не подаренные ему хозяевами золотые часы. В итоге гувернер расчувствовался, признавшись, что готов служить и без жалованья, лишь бы его не разлучали с так полюбившимися ему детьми. И его оставили.

Одним из почти сразу установившихся обычаев этого дома стал ритуал семейного обеда, в соответствии с которым все члены семьи должны были собраться в столовой к определенному часу и ждать, пока бабушка не пожелает к трапезе. И только затем позволялось сесть за стол: «Все, тихо переговариваясь, стоят перед накрытым столом в зале, дожидаясь бабушки, которой Гаврила уже пошел доложить, что кушанье поставлено, – вдруг отворяется дверь, слышен шорох платья, шарканье ног, и бабушка в чепце, с каким-нибудь необыкновенным лиловым бантом, бочком, улыбаясь или мрачно косясь (смотря по состоянию здоровья), выплывают из своей комнаты. Гаврила бросается к ее креслу, стулья шумят, и чувствуя, как по спине пробегает какой-то холод – предвестник аппетита, берешься за сыроватую крахмаленную салфетку, съедаешь корочку хлеба и с нетерпеливой и радостной жадностью, потирая под столом руки, поглядываешь на дымящие тарелки супа, которые по чинам, годам и вниманию бабушки разливает дворецкий», – читаем мы в «Юности».

Живя на Плющихе, не раз и не два самый младший из братьев «подбегал к окну, приставлял ладони к вискам и стеклу и с нетерпеливым любопытством смотрел на улицу». А однажды, подталкиваемый жгучим желанием испытать ощущение птицы в полете и «сделать какую-нибудь такую молодецкую штуку, которая бы всех удивила», Левушка сиганул прямо со своего мезонина во двор. Поступок этот наделал много шума. К ужасу домашних, мальчик лишился чувств, но, слава Богу, не расшибся. Проспав 18 часов кряду, Лев проснулся как ни в чем не бывало. Запомнил ли он ощущение полета? Наверное, да. Недаром такое яркое впечатление производит на читателей сцена в Отрадном из «Войны и мира», в которой Наташа Ростова, вглядываясь в звездный небосвод, так же, как и мальчик Левушка, мечтает о полете.

Сестра Толстого, Мария Николаевна рассказывала: «Мы собрались раз к обеду, – это было в Москве, еще при жизни бабушки, когда соблюдался этикет и все должны были являться вовремя, еще до прихода бабушки, и дожидаться ее. И потому все были удивлены, что Левочки не было. Когда сели за стол, бабушка, заметившая отсутствие его, спросила гувернера Сен-Тома, что это значит, не наказан ли Леон; но тот смущенно заявил, что он не знает, но что уверен, что Леон сию минуту явится, что он, вероятно, задержался в своей комнате, приготавливаясь к обеду. Бабушка успокоилась, но во время обеда подошел наш дядька, шепнул что-то Сен-Тома, и тот сейчас же вскочил и выбежал из-за стола. Это было столь необычно при соблюдаемом этикете обеда, что все поняли, что случилось какое-нибудь большое несчастье, и так как Левочка отсутствовал, то все были уверены, что несчастье случилось с ним, и с замиранием сердца ждали развязки.

Вскоре дело разъяснилось, и мы узнали следующее:

Левочка, неизвестно по какой причине, задумал выпрыгнуть в окошко из второго этажа, с высоты нескольких сажен. И нарочно для этого, чтобы никто не помешал, остался один в комнате, когда все пошли обедать. Влез на отворенное окно мезонина и выпрыгнул во двор. В нижнем подвальном этаже была кухня, и кухарка как раз стояла у окна, когда Левочка шлепнулся на землю. Не поняв сразу, в чем дело, она сообщила дворецкому, и когда вышли на двор, то нашли Левочку лежащим на дворе и потерявшим сознание. К счастью, он ничего себе не сломал, и все ограничилось только легким сотрясением мозга; бессознательное состояние перешло в сон, он проспал подряд 18 часов и проснулся совсем здоровый».

Незадолго до смерти Лев Николаевич дал такое объяснение своему поступку: «Мне хотелось посмотреть, что из этого выйдет, и я даже помню, что постарался еще подпрыгнуть повыше». Об этом случае из детства памятный классик русской литературы рассказывал почти всем, с кем он делился воспоминаниями о прожитой жизни: Гольденвейзеру, Берсам, Бирюкову...

В гораздо большей степени повлияла на маленького графа сама перемена места жительства, переход от жизни в родительской усадьбе к жизни в городе. В Ясной Поляне семья Толстых и их дети были центром вселенной, в Москве же они терялись в бесчисленной массе обывателей. «Я никак не мог понять, — читаем в «Детстве», — почему в Москве все перестали обращать на нас внимание — никто не снимал шапок, когда мы проходили, некоторые даже недоброжелательно смотрели на нас».

В следующей повести «Отрочество» Лев Толстой занят осмыслением своих первых московских впечатлений:

«Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал все это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал... Когда я глядел на деревни и города, которые мы проезжали, в которых в каждом доме жило по крайней мере такое же семейство, как наше, на женщин, детей, которые с минутным любопытством смотрели на экипаж и навсегда исчезали из глаз, на лавочников, мужиков, которые не только не кланялись нам, как я привык видеть это в Петровском, но не удостаивали нас даже взглядом, мне в первый раз пришел в голову вопрос: что же их может занимать, ежели они нисколько не заботятся о нас? И из этого вопроса возникли другие: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т. д.».

Один из первых сочинительских опытов Левушки Толстого также относится к этому периоду. Сохранилась тоненькая тетрадка, сшитая маленьким автором, с им самим наклеенной обложкой из голубой бумаги. На одной странице обложки детским почерком написано: «Разказы Дедушки I». На другой: «Детская Библиотека». Далее зачеркнутые названия месяцев: «апрель», «май», «октябрь» и незачеркнутое — «февраль» и небольшая виньетка с изображением цветка с листочками. В тетрадке 18 страничек, из которых 15 заняты текстом и 3 — рисунками. Текст представляет не лишнее живости изложение небольшого приключенческого и бытового рассказа. Нарисованы: корабль со стоящей около него шлюпкой, воин, хватающий за рога быка, и другой воин, что-то несущий. В рукописи немало описок и почти отсутствуют знаки препинания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.